

И небом нам был океан

Автор:

[Патрик Несс](#)

И небом нам был океан

Патрик Несс

На протяжении тысячелетий люди вели охоту на китов, а киты – на людей. Эта бесконечная война развивала мир китов, порождая новые научные и технические открытия.

Вирсавия из расы китов – юная охотница с прославленного подводного судна «Александра». Она верит в пророчество, что отомстит тем, кто убил ее семью.

Однажды Вирсавия и ее капитан находят среди обломков разбитого корабля выжившего человека, который сжимает в руке необычную монету с инициалами Т и В. Что, если экипажу «Александры» предназначено отправиться на поиски легендарного монстра, зловещего Тоби Вика, безжалостно уничтожающего китов?

Чтобы преследовать самого дьявола, нужно быть отчаянным смельчаком. Для экипажа «Александры» это вызов.

Патрик Несс

И небом нам был океан

Patrick Ness

AND THE OCEAN WAS OUR SKY

Text © 2018 Patrick Ness

Illustrations © 2018 Rovina Cai Published by arrangement with Michelle Kass Associates Ltd., 85 Charing Cross Road,

London WC2H 0AA and Walker Books Limited, London SE11 5HJ

© Е. Романова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Джареду, Анне, друзьям

Прямо навстречу тебе плыву я, о все сокрушающий, но не все одолевающий кит;
до последнего бьюсь я с тобой; из самой глубины преисподней наношу тебе
удар; во имя ненависти изрыгаю я на тебя мое последнее дыхание.

Герман Мелвилл «Моби Дик»

(Перевод Инны Бернштейн)

Зовите меня Вирсавия.

На самом деле у меня другое имя, но пусть здесь меня зовут так. Надеюсь, что имя это лишено пророческого смысла и свободно от бремени предначертанной судьбы, что никто не отберет его у меня и не отправится крушить им миры, прикрываясь словами о высшем предназначении.

Думаете, я утрирую? Ошибаетесь!

Мой народ верит в пророчества. Когда я была еще ребенком, глупым детенышем, для которого окрестные воды составляли целый мир, моя бабушка сказала:

- Ты станешь охотницей.

Ее слова прозвучали пророчески.

- Но мы не охотники! - воскликнула мама. Лицо у нее было испуганно-недоуменное, именно так она обычно смотрела на бабушку. - Мы не охотимся. Никогда не охотились.

В ее голосе звучали сразу и надежда, и безысходность. Такой мамин тон неизменно приводил меня в бешенство, но сейчас... сейчас от воспоминаний сердце мое обливается кровью.

- Ты, наверное, про другую охоту?.. - Ее голос был безнадежно полон надежды. - Про небольшие вылазки, которыми промышляют все семьи...

- Нет, - ответила бабушка.

Нет, она не это имела в виду.

– Ты станешь охотницей.

Три слова разом перечеркнули все возможные расклады, все мои судьбы, все жизни и смерти с их бесконечными распутьями ...

Что это было? Предвидение? Бабушке в самом деле открылось будущее? Или то был своего рода приказ, повеление (ведь именно повелениями оказываются на поверку многие пророчества)? Когда предвидишь судьбу, когда делаешь это решительно и не отступаешься от своих слов до последнего, не закладываешь ли ты тем самым основу для завтрашнего дня?

Эти вопросы преследуют меня очень давно.

Впрочем, тогда они не имели и не могли иметь никакого значения, ведь меня сразу отправили на подготовку. Мама, как обычно, не отважилась перечить бабушке, и началась моя учеба, моя новая жизнь. В шестнадцать лет – когда встают на путь ученичества – я вышла в море с великим охотничьим судном «Александрой». На моей спине ремнями закрепили гарпуны, паруса поймали течение, и Бездна зияла под нами, и небом нам был океан.

И все, что могло бы быть, раз и навсегда кануло в вечность.

Ибо мне, смиренной, но рвущейся в бой третьей ученице, предстояла великая охота. Охота на легенду, на миф, на самого... дьявола.

С того дня я и поведу свой рассказ.

Помолитесь за наши души.

Сейчас я расскажу вам, как мы его нашли.

– Зорче взгляд! – скомандовала капитан Александра.

По сложившейся традиции наш корабль носил ее имя, а она несла корабль: канаты тянулись от носа судна к ее плавникам, каждый из которых был шириной с трех учениц. Капитан тянет за собой корабль – так повелось и так должно.

Мы молча шли над Бездной. Я была левой смотрящей и плыла чуть выше и сбоку от капитана. Впереди шла первая ученица Трежер, а с другой стороны – вторая ученица Вильгельмина, Виллем, правая смотрящая. Мы пристально глядели вниз, на поверхность Бездны; за толщей воды сияло солнце, и казалось, что мы плывем сквозь его кипящий свет.

Позади, на «Александре», готовились к бою наши матросы. Капитан была уверена, что добыча близко. «Я ее чую», – говорила она, а за несколько месяцев пути мы научились ей верить. Верить безоговорочно и всегда. О капитане Александре ходила слава, дурная и добрая, но причиной тому были не ее охотничьи заслуги. Все знали, что из громадной головы Александры по сей день торчит ржавый обломок человеческого гарпуна. Она чудом уцелела в той схватке – и преуспела, несмотря на мешавший эхолокации гарпун, ибо никто, никто не сомневался, что капитан Александра – лучшая охотница всех морей.

– Что-то близится, – молвила она и, заработав хвостом, устремилась вперед. – Что-то поднимается в воду.

– Где? – прошептала Виллем, отчаянно вглядываясь в белую пену внизу.

– Тихо! – прикрикнула на нас Трежер. Она была первой, то есть старшей ученицей и редко позволяла нам об этом забыть.

Воду пронзили щелчки эхолокаций. Капитан Александра решила, что наших сигналов будет достаточно, и положила на свои глаза, нюх, а может – кто ее знает? – на дар ясновидения.

– Меньше чем в лиге от нас, – доложила Трежер. – От центра вправо.

– Зорче взгляд! – повторила команду капитан.

- Нашла, наша! - откликнулась Виллем.

- А как успехи у Вирсавии? - не оглядываясь, спросила капитан.

Я до сих пор не подавала голоса. Потому что ничего не наша - сколь бы яростно ни посылала сигналы в водные просторы, как бы долго ни ждала ответного эха. Вот сейчас, сейчас защелкает в огромном шаре воскообразной жидкости у меня во лбу... Но нет, справа от центра, где Трежер и Виллем якобы обнаружили добычу, ничего не было. Лишь пустой океан. В ту пору я, совсем юная ученица, не проохотившаяся еще и года, уже многому научилась. Что-то неладно... Тревога моя нарастала, и я начала догадываться, что Трежер и Виллем солгали капитану: они ничего не нашли, но хотели произвести на нее впечатление - и, возможно, тем самым угодили в ловушку, которые та иногда расставляла для своих неосмотрительных учениц (даже я знала об этой ее привычке).

- Вирсавия! - грозным и одновременно игривым тоном обратилась ко мне капитан: хищник забавлялся со своей жертвой.

Щелчок. Еще один, еще... Нет ответа.

Я резко развернулась влево.

- Нет, не справа! - удивленно воскликнула я и на всякий случай послала еще один сигнал. Было страшно, однако я не сомневалась в своей правоте. - Цель в трети лиги от нас. Налево и еще раз налево!

- Нет!.. - охнула Трежер.

- Неужели правда? - выдавила Виллем.

- Вирсавия совершенно права, - сказала капитан, разворачивая могучий корабль влево, а потом еще немного влево.

- Нашла! - крикнула Трежер (запоздало и оттого слишком громко).

- Он поднимается в воду, - сказала капитан.

И началась травля.

3

Сразу хочу кое-что прояснить. Тогда я любила охоту. Сейчас, после всех событий и стольких смертей, после бесконечного ожидания подмоги, которая могла и не прийти, я имею полное право ее ненавидеть.

(Хотя и по сей день бывает: народ зашепчется, вспыхнет любопытство в глазах, и робкий голос спросит, нельзя ли еще разок услышать мою историю – потехи ради. Это кого же она потешит? Уж точно не меня. Я обсуждала это с вояками, и они подтвердили: да, есть среди нас и такие, кто романтизирует охоту – и войну; в мирные времена они грезят ратными подвигами, мечтают оставить след в истории и снискать славу, невидимую, пустую, которая не прокормит их детей, зато даст повод для гордости и возвысит их над ближними; они никогда не задумываются об отчаянии, о крови и боли, не пытаются представить, как вновь и вновь замирают в груди сердца. Когда нашим войнам пришел конец, я, подобно всем солдатам тех войн, обрела утешение в непоколебимой тишине, потревожить которую осмеливались лишь глупцы.)

И все-таки я решила, окончательно и бесповоротно, поведать вам свою историю. Я изменилась. Да, тогда я мало смыслила в жизни, это верно, но кое-что все-таки знала, например, что люди обитают в перевернутом мире, океан для них – внизу, а Бездна – наверху, и встречаются наши миры лишь на поверхности моря. Еще я знала об измышлениях некоторых наших писателей: мол, это мы, киты, живем наоборот и не спускаемся к людям, а поднимаемся к ним. Для нас подобные рассуждения сродни святотатству: человек не может быть наверху и никогда не получит господство, это все выдумки и праздные фантазии.

Знала я и о нашем совместном прошлом; тысячи лет люди вели охоту на китов, а киты – на людей. Наши миры росли и развивались, зеркально отражая друг друга. Война порождала все новые научные и технические открытия.

Со временем я полюбила охоту – не охоту как действие, а ее историю, ее вклад в становление моей личности. Да, я очень любила охотиться. На то у меня даже была веская причина, но какие еще причины нужны юному киту, кроме осознания простого факта: с незапамятных времен люди охотились на нас, а мы в ответ охотились на них. Таков наш китовый долг, и я принимала его как данность.

Теперь все иначе. Если вы, услышав мою историю, по-прежнему будете грезить ратными подвигами и славой охотника, значит, рассказчик из меня никудышный... или вы – глупец.

4

Третью милю мы одолели в считанные мгновения. О, как я любила радость преследования, восторг погони!.. Благодаря мастерству бывалых матросов, что ходили по морям задолго до моего рождения, наши могучие паруса поймали течение и, помогая капитану, понесли корабль вперед. Что за гонка! Каждый рывок, каждый толчок был подчинен единой цели. Под нами ослепительно сверкало солнце, посылая вверх закрученные стрелы белого света.

Мир ожил.

– Готовь гарпуны! – скомандовала капитан, и мы, ученицы, повиновались: быстрыми движениями плавников и мышц продвинули гарпуны по оплетавшей наши бока канатной сети и поместили их в дула гарпунных пушек, плотно примотанных к груди. Передовые технологии позволяли нам осуществлять выстрел движением одной-единственной мышцы грудного плавника.

– Уже близко. Мы вот-вот все увидим, – сказала Трежер.

– Неужели? – огрызнулась капитан. – Не ты ли говорила, что цель в лиге от нас и справа от центра?

Поделом Трежер, давно следовало сбить с нее спесь. С нашим капитаном всегда надо быть начеку: она ничего не забывает и ничего не упускает из виду.

Впрочем, цель действительно была близко. Я шла с нужной стороны, и мои щелчки возвращались все быстрее. Добычу мы пока не видели: поверхность Бездны пенилась и бурлила, затрудняя видимость.

- Готовь сети! - скомандовала капитан матросам на корабле. Но те уже и так догадались о ее намерениях: сети были наготове. Стоило нам загарпунить жертв - убить или лишит сознания, - наши матросы живо собрали бы трупы. Вся добыча без остатка шла в дело: из костей вытапливали сало для изготовления мыла, из кожи шили паруса, а мясо, для нас несъедобное, привлекало великое множество живности - ешь сколько хочешь!

Однако главным образом (в этом состоит парадокс всех войн) мы охотились на них, чтобы они не охотились на нас. И наоборот.

- Вот он! - закричала Виллем.

И действительно: из пены Бездны поднимались...

...гнутые бока человеческого корабля.

5

Капитан резко рванула влево, перерезав мне путь. Я едва успела уйти от столкновения.

- Еще зорче! - рявкнула она, стремительным копьём проносясь мимо.

Я помчалась вдогонку, проклиная себя за неосмотрительность. Разумеется, если корабль полностью цел, сперва надо немного покружить возле него, изучить его сильные стороны, оценить примерный вес, найти слабинку. (Слабина всегда была одна: большие изогнутые бока. Крепкие, но не слишком - капитан при желании без труда пробивала подобные препятствия своей исполинской головой.)

Желание возникало часто.

Подобные корабли – легкая добыча. Риска почти никакого. Я приготовилась к атаке, приказ должен был прозвучать с минуты на минуту...

– Люди за бортом! – крикнула Трежер.

– И все мертвы, – недоуменно заметила Виллем.

В самом деле, пена кое-где начала редеть, и в прогалинах мы увидели трупы. Они плавали лицом вверх, отвернувшись от Бездны, – так держатся на воде утопленники. У людей до сих пор не было кислородных пузырей, а мы уже давно научились их делать. Это полезное новшество почти избавило нас от необходимости возвращаться в Бездну за глотком воздуха. Впрочем, необходимость эта, досадная ошибка эволюции, давала нам и преимущество: в мозг поступала теплая, насыщенная кислородом кровь, благодаря чему мы сумели подчинить себе весь океан.

По выносливости и беспощадности нам не было равных.

(Однако я сказала «почти», и от этого «почти» по-прежнему целиком зависит наша жизнь. Ибо время от времени нам надо возвращаться в мир людей, чтобы сделать вдох. А значит, волей-неволей приходится иметь дело и с самими людьми.)

– Что здесь произошло?! – недоумевала Трежер.

Удивление ее было оправданно: человеческое судно выглядело совершенно целым, а его экипаж целиком утонул. Трупы образовали на поверхности моря плотный покров, который уже понемногу раздирали акулы.

Капитан пропустила вопрос Трежер мимо ушей, высвободилась из пут, связывающих ее с «Александрой», и устремилась вперед.

– Соберите тела, – приказала она матросам, и они тотчас принялись за работу. – Возможно, поблизости ходит другой отряд.

– Как? Еще отряд? – Виллем подозрительно осмотрелась.

В обычное время кит может оказаться киту и другом, и врагом. Но когда в воде плавают добыча, мы – враги.

Без корабля капитан перемещалась с такой скоростью, что угнаться за ней было непросто, хотя размерами она по меньшей мере втрое превышала каждую из нас. Молча обогнула она человечесьё судно, потом еще раз. Мы плыли следом, держась повыше – не хотели мешать матросам. Так повелось, что матросы гораздо меньше нас. Это особое сословие, они замкнуты, молчаливы и совершенно незаменимы. Сперва они откусывают людям головы и скидывают их в отдельную сеть – человечесьи зубы якобы улучшают пищеварение, и их можно продать легковверным богачам. Когда охота подойдет к концу, трупы разберут на куски. Матросы будут работать до темноты: вываривать, скрести, молоть...

– Там что-то есть... – вдруг молвила капитан, заходя на третий круг. – Вирсавия! – властным тоном призвала она меня к себе. – Посмотри, что там.

Для меня оставалось загадкой, что капитан могла различить с такого расстояния и насколько ржавый обломок гарпуна мешал эхолокации. Я послала звуковой сигнал в сторону судна. Корпус был гладкий, выпуклый – люди всегда придавали своим судам такую обтекаемую форму. На самом деле их корабли немного напоминали наши, тоже легко рассекавшие воду, только у нас суда были более открытые и плоские, под стать нашим немалым размерам. Мы, как и люди, оснащали корабли мачтами и парусами. Или они научились этому у нас?

Судно было самое обыкновенное. Обросший тонким покровом моллюсков корпус без особых...

Щелк.

- Вот оно! - Капитан осторожно поплыла дальше. - Выясни, что это такое.

Я украдкой поглядела на Трежер и Вильгельмину. Обе, как и я, были потрясены до глубины души: приказ отдали не им, а мне!

- Повторять не буду! - рявкнула капитан.

Выбора у меня не было. Я направилась к судну.

6

Там я обнаружила загадку - нечто, испокон веков повергавшее китов в недоумение и разжигавшее горячие споры. Изучая скелеты мертвых китов, мы выяснили, что в наших плавниках тоже есть кости, но у людей они казались отвратительно голыми. Их руки оканчивались пятиконечным, похожим на звезду приспособлением, с помощью которого они научились строить более сложные суда и, несмотря на примитивность мышления, ткать покровы для своих тел. Мы тоже научились, однако знание это досталось нам в качестве охотничьего трофея (хотя наши историки уже пытались замалчивать сей факт и утверждали, что киты первыми изобрели ткачество).

А все потому, что вместо плавников у людей были руки.

Именно рука сейчас выглядывала из корабельного корпуса. Я говорю чистую правду. Рука торчала из водонепроницаемого отверстия, намеренно проделанного в корпусе судна.

И эта рука сжимала некий предмет.

7

- У руки есть хозяин? - спросила Виллем.

Мы все молча разглядывали находку.

- Не глупи, - ответила Трежер. - Нас явно пытаются обхитрить.

- Кто пытается? - гадала я. - Корабль разрушен. Все матросы мертвы.

- Кто его разрушил? - спросила Виллем. - Кто убил людей?

- Прекратить болтовню! - рявкнула капитан. - Это послание.

- Послание?

Капитан резко махнула хвостовым плавником и ударила Виллем по голове. Та отлетела в сторону; по воде за ней протянулась кровавая спираль. Капитан повернулась ко мне:

- Что это такое, Вирсавия? Что зажато в руке?

Я подплыла ближе, с опаской поглядывая на ее громадный хвост: он запросто мог отправить в полет и меня. Втайне я понимала, что растерянная настороженность Виллем сейчас уместна. На мой первый вопрос никто не ответил. Мы охотились на человечесьи корабли - с живыми людьми на борту. Порой нам попадались суда, разрушенные и разоренные другим стадом, однако за весь год моего ученичества под руководством капитана Александры я ни разу

не встречала посреди океана покинутый человеческий корабль. Люди, конечно, варвары, это всем известно, но стали бы они убивать друг друга? Пробили бы дыру в днище собственного корабля?

Кровь пульсировала в моей голове. Я безуспешно попыталась унять внутреннее смятение и подплыла вплотную к руке – при желании она могла бы до меня дотянуться. Конечно, хозяин руки не может быть жив... Так ведь?

Рука сжимала диск размером чуть меньше человеческой ладони, как бы демонстрируя его всем желающим.

Вот только кому?

– Предмет круглый, – сказала я. – Сделан из золота.

– Монета? – предположила Трежер.

– Подробней! – крикнула капитан. – Опиши подробней!

– На нем какие-то символы. Три треугольника, вершины смотрят вверх. Горы?

– Я не просила тебя толковать увиденное. Просто рассказывай.

– Внизу что-то вроде креста, – спешно добавила я. – А рядом – палочка и два полукруга.

Капитан молчала. А потом произнесла единственное слово:

– Прочь!

И начала разбег. Я как можно быстрее отплыла в сторону, но с трудом ушла от столкновения с ее громадным телом, которое с размаху протаранило корабль и расколело его пополам. После такого мощного удара капитану оказалось достаточно пары движений телом и плавниками, чтобы раскидать обломки в стороны.

Доски вокруг руки разлетелись. За ними оказался молодой, перепуганный и еще живой человек. Он по-прежнему стискивал в руке диск (другая его рука была прикована к доске, которая теперь увлекала его в морскую пучину – на верную смерть).

Минуту мы смотрели, как он тонет; вдруг из дыхала нашего капитана выплыл большой воздушный пузырь, которым она окружила голову человека, чтобы тот мог дышать.

– Капитан? – ошарашенно выдавила я.

– Линии в нижней части диска – не символы, – сказала она, нарезая круги вокруг барахтающегося в воде человека. Он пытался опуститься на поверхность Бездны, но один легкий удар хвостом моментально вернул его к нам. – Это буквы человеческого языка. Т и В.

Услышав это, Виллем подплыла поближе ко мне. Даже Трежер вернулась: всех трех учениц обуял страх.

А через мгновение догадка превратилась в факт.

– Мы напали на след Тоби Вика, – молвила капитан.

8

Уже тогда, в самом начале, я изо всех сил избегала выполнения своей прямой обязанности – мне не нравилось убивать людей. Хотя я погубила многих.

Никто не спрашивал, что я думаю о бабушкином пророчестве. Я приняла его со стойкостью и отвагой, достойными взрослого кита (вернее, так я тогда думала). Что взять с молодежи... Как и все киты, я ненавидела людей, и у меня были на то причины: их жестокость, их бессмысленная и безалаберная жадность. Люди убивали не только по нужде, но и для забавы. Они мнили себя владыками морей, хотя могли проникнуть лишь в верхний слой воды и оттуда, с границы Бездны, грозили нашим великим стадам и городам.

Я начала охотиться, потому что нашему городу были нужны охотники. И у меня, как я уже говорила, появились на то личные причины. Но пусть бабушка и решила наперед мою судьбу, пусть я с готовностью встала на путь ученичества, кое-что в моем призвании всегда мне претило – одна малая, негласная неотъемлемая часть охоты... простое суеверие. Меня воспитывали так, как того хотела бабушка. Надежды, которые она возлагала на мать, не оправдались, и теперь по бабушкиному пути надлежало пойти мне.

– Я не могу быть только охотницей, – однажды сказала я. – Ведь я еще и мыслитель. Верования охотников мне чужды. Я никогда их не приму.

– Примешь, – ответила бабушка. Это был приказ и неизбежность.

– Не приму! Только болваны и неучи верят в глупые предрассудки, в этого дурацкого дьявола...

– Не вздумай произносить вслух его имя, – вдруг подхватила моя мать. – Не вздумай!

– А не то что? – усмехнулась я. – Накличу беду? Дьявол придет и заберет ваши души, стоит мне произнести вслух его имя?

Конечно, то была юношеская бравада, бунт, желание отринуть устои старшего поколения. Я и не догадывалась, какой пророческий смысл несли мои слова.

– Я хочу и буду охотиться, но дурой быть не желаю.

– Дочь моя, не смей произносить его имя.

– Тоби Вик! – крикнула я. А потом повторила и, быть может, даже порадовалась гримасе боли на мамином лице и негодованию в бабушкиных глазах. Я назвала вслух нашего дьявола. Наше чудовище. Нашу легенду.

И кто же тут дура? Я произнесла вслух его имя – и он явился.

Человек стал нашим пленником, хотя сначала едва не утонул. Кислородный пузырь – это такой резервуар с воздухом, наше изобретение. Мы обнаружили два химических вещества (одно в камбале, другое в кораллах), которые позволяют сократить потребление кислорода и придают прочность стенкам пузыря. Однако человеку может быть непросто сделать первый вдох под водой. Я бы подумала, что люди вовсе на это не способны, – но подобные мысли просто не приходили мне в голову. Наш пленник, по крайней мере, боролся за жизнь.

– Где он? – спросила капитан на человеческом языке.

Его обязаны знать все охотники, хотя дается он нам очень непросто.

Пленник, мягко говоря, был потрясен: громадный кит, раз в пятьдесят больше его и в пятьсот раз тяжелее, говорил на его наречии – хотя и растягивал слова, ведь по воде звук идет медленнее, чем по воздуху. Он вновь и вновь пытался совладать с пузырем, заглатывал воду, кашлял и не мог понять, где верх, а где низ в этом чужеродном пространстве. Вот объясните мне, как этим жалким тварям вообще пришло в голову бороздить просторы великого океана?

– Верни его на поверхность, – приказала мне капитан.

– На поверхность?! – вздрогнула я.

– С каких это пор в нашем отряде капитан отдает каждый приказ дважды?!
Верни его на поверхность!

Больше меня уговаривать не пришлось. Я взяла перепуганного человека в рот – он едва не умер от ужаса – и поплыла к поверхности Бездны. На ходу я перевернулась вниз головой, чтобы войти в мир людей.

Я подняла пленника на поверхность и дала ему подышать бесценным воздухом. Он начал барахтаться и закашлял еще сильнее. Я молча наблюдала, гадая, что же мне делать теперь.

Здесь хотя бы можно было дышать.

О, Бездна! Этот головокружительный миг, когда тело тяжелеет и мир опрокидывается: низ становится верхом, а вокруг появляется воздух, который можно вдохнуть полной грудью.

Мы – гордые, гордые жители океана. Мы его владыки. Всякая тварь в океане скрывается бегством, завидя нас, и не смеет нам перечить. Вода есть высшая стихия, три полноценных измерения, в которых можно жить, плавать и охотиться. Мы осветили беспросветную тьму океанских глубин, мы бережем его обитателей. На вершинах гор, что растут из нашего неба, мы построили великие города.

Мы суть океан.

Однако наша жизнь по-прежнему зависит от Бездны. Нам нужен воздух. Необходим. Даже имея кислородные пузыри, мы время от времени должны возвращаться в Бездну.

В этом – наша слабость.

Человек доплыл до какой-то доски, вцепился в нее и начал жадно глотать воздух. Я тем временем спокойно дышала и размышляла о загадочной находке.

Корабль еще не ушел под воду, на воде лежали трупы. Других китов поблизости не было, да и никто в своем уме не оставил бы добычу в воде. Однако факт остается фактом: в корабле, высунув руку наружу, сидел человек с посланием... Кому оно предназначалось? Любому, кто увидит?

Или только нашему отряду?

О капитане Александре, как я уже говорила, ходила и дурная, и добрая слава. Ее считали самой беспощадной и неумолимой охотницей наших морей, готовой на любой риск. И недаром, ведь на ее счету было больше тысячи разоренных кораблей. Ее ученицы – те, что не погибли в Бездне, – возглавили собственные охотничьи отряды.

Место третьей ученицы в отряде далось мне немалой кровью. Если уж охотиться, то охотиться среди лучших, так я считала. Но это ведь риск, верно? С вершины только одна дорога – вниз. А еще ты волей-неволей становишься мишенью, ведь если кто-то другой захочет стать лучшим, ему нужно одержать победу над тобой.

И заодно, по мнению капитана, победить лучшего охотника из мира людей.

– Вирсавия! – крикнула капитан снизу (да, теперь уже – снизу). – Человек пришел в себя?

– Пытается, – ответила я. – Его обуял страх. Не знаю, справится ли...

– Это не моя забота. Дай человеку пузырь и верни его сюда. Нам надо потолковать.

Она вернулась к нашему кораблю, почти полностью набитому жертвами кораблекрушения. Матросы подобрали даже обломки человеческого судна: дерево пригодится для ремонта судов. В море ничем нельзя пренебрегать, ибо порой оно оказывается пустыней. Никогда не знаешь, скоро ли удастся пополнить запасы.

Я начала плавать кругами. Наш пленник, как ни странно, все еще держал в руке диск – словно от потрясения начисто о нем забыл – и смотрел на меня широко распахнутыми глазами. Я открыла рот: хотела унести его обратно в море...

– Нет, умоляю! – вдруг заорал он.

Человек обратился ко мне напрямую! Я обомлела. Люди редко заговаривают с нами... и никогда не говорят с ученицами.

– Ты хочешь меня убить! – задыхаясь, выдавил он.

– Да, – с великим трудом ответила я. – Но не сейчас. Замолчи.

– Я здесь не по своей воле! Меня взяли в плен.

– Это не имеет значения...

– Я не охотник! И никогда не хотел им стать!

– Каждый человек мечтает быть охотником, – отрезала я.

Не слушая больше его мольбы, я потащила пленника на глубину.

11

Поразительно. Оказалось, я лучше всех в отряде понимала человеческий язык.

– Еще раз! – рявкнула капитан, теряя терпение.

– Он неуловим! – повторил человек срывающимся голосом. – Меня просили вам это передать. И показать монету.

Капитан вновь начала описывать круги, пытаюсь расшифровать человеческие слова.

– Еще раз.

Он в ужасе поглядел на меня. Я хотела ответить, но Трежер меня опередила:

– Тоби Вик говорит, что вы неуловимы.

– Нет... – попыталась возразить я.

– Я неуловима? – довольным тоном переспросила капитан.

– Простите, – вмешалась я, косясь на Трежер. – Человек говорит, что Тоби Вик считает неуловимым себя.

Эти слова понравились капитану куда меньше.

– Вздумал меня дразнить?

– Нет, она ошибается, – встряла Трежер. – Тоби Вик знает, что вы – величайший капитан всех морей. Он выражает вам свое почтение.

– Тоби Вика не существует! – вскричала я. – Нас пытаются заманить в ловушку.

– Конечно, – кивнула капитан. – Но это не значит, что нам нельзя поискать в послании другие смыслы.

– О чем вы говорите? – спросил человек.

Мы вели беседу на своем языке.

– Обсуждаем твои слова, – зачем-то ответила я пленнику. – Хотим понять их смысл.

Капитан и ученицы уставились на меня: кто подозрительно, кто с завистью, а кто – в страхе.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.me/patrik-ness/i-nebom-nam-byl-ocean>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)